

*кандидат филологических наук,
директор КРУ "Дом-музей
А.П. Чехова в Ялте"*

И.И. ДМИТРИЕВ В КОНТЕКСТЕ ДРАМАТУРГИИ А.П. ЧЕХОВА

В художественном и эпистолярном наследии А.П. Чехова, насыщенном литературными цитатами и аллюзиями, дважды встречаются очевидные отсылки к творчеству И.И. Дмитриева (1760–1837). Оба примера связаны с драматическим театром: в первом случае – со скрытой театрализацией определенной жизненной ситуации, во втором – с открытым театральным действием рождающейся пьесы. 15 февраля 1890 года Чехов писал из Москвы в Петербург А.Н. Плещееву: "Недавно я обедал у Ермоловой. Цветочек дикий, попал в один букет с гвоздикой, стал душистее от хорошего соседства. Так и я, пообедав у звезды, два дня потом чувствовал вокруг головы своей сияние" [11, т.4, с.19]. Здесь перефразирован один из "Апологов в четверостишиях" Дмитриева "Полевой цветок":

Простой цветочек, дикой
Нечаянно попал в один пучок с гвоздикой;
И что же? От нее душистым стал и сам. –
Хорошее всегда знакомство в прибыль нам [3, с.150].

Ирония цитирования достаточно очевидна. Если же вспомнить историю незадавшихся отношений Чехова с Малым театром, воплощением которого была драматическая "звезда" М.Н. Ермолова, то ирония окажется уничтожающей по отношению к сентиментальной морали стихотворения, впрямую выводящего "прибыль" из "хорошего знакомства".

В тот же период Чехов окончательно дорабатывал текст комедии "Леший", в I действии которой еще в ранних редакциях была включена слегка измененная цитата из "Чужого толка": "Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим" [10, т.12, с.129]. Дмитриев так высмеивал многочисленных одописцев, бездарных, но неутомимых подражателей Ломоносова и Державина:

Что за диковинка? лет двадцать уж прошло,
Как мы, напрягши ум, наморщивши чело,
Со всеусердием всё оды пишем, пишем,
А ни себе, ни им похвал нигде не слышим! [3, с.44].

В "Лешем" эта цитата вошла в реплику Войницкого, направленную против профессора Серебрякова, который "ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве" [10, т.12, с.130]. В дальнейшем, переделывая эту комедию в "Дядю Ваню", Чехов откажется от значительной части первоначального текста, но цитату из Дмитриева сохранит в неприкосновенности. Сохранит и усиливающее иронический смысл стихотворных строк сравнение отставного профессора с "пишущим *perpetuum mobile*" [10, т.13, с.70].

Поэта времен Екатерины II, Павла и Александра I, крупнейшего представителя русского сентиментализма, И.И. Дмитриева трудно назвать властителем умов рубежа XIX–XX веков. Тем не менее свободное цитирование его как Чеховым, так и его персонажем во многом симптоматично. Ранее Чехова такое же цитирование, аналогичное по приему, встречается у И.С. Тургенева. В октябре 1862 года в письме к А.И. Герцену по поводу отставки графа В.Н. Панина, известного своим высоким ростом, Тургенев иронически перефразирует окончание басни Дмитриева "Дуб и трость":

Кто ада и небес (своим ростом) досягал –
Упал!

(в оригинале: "Кто ада и небес едва не досягал...") [8, с.68, 527–528].

В Записке об издании журнала "Хозяйственный указатель" (1858) Тургенев также цитирует "Чужой толк", только другую строку, при этом ошибочно приписывает ее Грибоедову: "...у нас до сих пор, по выражению Грибоедова, "печатный каждый лист быть кажется святым"" [7, с.239]. Это замечательная ошибка! Сатира Дмитриева, написанная за три десятилетия до знаменитой комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума", по стилю, тону и даже содержанию (противопоставление "века нынешнего" – и "века минувшего") совпадает с обличительными монологами Чацкого. В воспоминаниях два текста вполне могли сливаться, к примеру, следующим образом:

К тому ж, у древних цель была, у нас другая;
Гораций, например, восторгом грудь питая,
Чего желал? О! он – он брал не свысока:
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров или мирт, чтоб Делия сказала:
"Он славен, чрез него и я бессмертной стала!"
А наших многих цель – награда перстеньком,
Нередко сто рублей иль дружество с князьком,
Который отроду не читывал другога,
Кроме придворного подчас месяцеслова,
Иль похвала своих приятелей; а им
Печатный всякий лист быть кажется святым.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы? [3, с.46; 2, с.74].

Последние две строки, конечно, принадлежат Грибоедову, но как естественно вписываются они в текст дмитриевской сатиры!

Известно, что Пушкин, познакомившись с "Горем от ума", в январе 1825 года предсказал грибоедовской комедии долгую жизнь: "О стихах я не говорю: половина – должны войти в пословицу" [5, т.13, с.297]. Дмитриев в это время уже казался принадлежностью прошлого: новые литературные направления развенчали в первую очередь "Дмитрева нежного" (как назвал его Пушкин в юношеском стихотворении "Городок"), а затем и Дмитриева-баснописца и сатирика. "И что такое Дмитриев? – писал по-приятельски Пушкин Вяземскому в 1824 году. – Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры – одного из твоих посланий, а всё прочее первого стихотворения Жуковского" [5, т.13, с.315]. Будущее, однако, показало, что не только грибоедовские, но и некоторые из дмитриевских строк превратились в пословицы, он оставался цитируемым автором на протяжении всего XIX столетия. Однако характер обращения к его наследию постепенно и ощутимо менялся.

В то самое время, когда проживающий в Париже Тургенев игриво цитировал басню Дмитриева лондонскому эмигранту Герцену, узник Петропавловской крепости Н.Г. Чернышевский писал роман "Что делать?" о "новых людях" России. Автор романа разделялся со многими пережитками прошлого, не обошел он и поэта Дмитриева, которому досталось уже в самом конце этой книги. Ироническая стрела Чернышевского была направлена против Дмитриева как создателя чувствительной песни "Голубок": сочиненная еще в конце XVIII века, эта песня тогда же была положена на музыку, получила самое широкое распространение и намного пережила своего создателя. В одном из заключительных эпизодов "Что делать?" появляется "дама в трауре", которая присаживается к роялю и объявляет:

"...дети, не смей смеяться, потому что я буду петь с чувством. И, стараясь выводить ноты как можно визгливее, она запела:

Стонет сизый...

Молодежь фыркнула при такой неожиданности, и остальная компания засмеялась, и сама певица не удержалась от взрыва смеха, но, подавив его, с удвоенною визгливостью

продолжала:

...голубочек,
Стонет он и день и ночь:

Его миленький дружо...

но на этом слове голос ее в самом деле задрожал и оборвался. "Не выходит – и прекрасно, что не выходит, это не должно выходить – выйдет другое, получше..." [9, с.456].

К слову, подобная ситуация была осмеяна еще Пушкиным в "Евгении Онегине":

Потом приносят и гитару:

И запищит она (бог мой!):

Приди в чертог ко мне златой!.. [5, т.6, с.36]

Но именно к "Голубку" Пушкин оказался снисходителен. В "Домике в Коломне" он не то чтоб вовсе без иронии, но с достаточно теплым чувством перечислил важные достоинства своей героини Параши, в том числе и такое:

Играть умела также на гитаре

И пела: Стонет сизый голубок... [5, т.5, с.86].

О силе воздействия этого романа дает представление также "Война и мир" Льва Толстого, где достоверно воспроизводится сознание человека 1810-х годов. У Толстого чувствительный романс косвенно характеризует мировосприятие даже такого сдержанного, мужественного героя, как Андрей Болконский. Перед Бородинским сражением, в котором он будет смертельно ранен, князь Андрей думает о Наташе, не сохранившей ему верность. Их отношения он соотносит с каноном, заданным "Голубком": "Как же! Я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия! Как нежный голубок басни, она должна была зачахнуть в разлуке со мной. А всё это гораздо проще... Всё это ужасно просто, гадко!" [6, с.211].

"Как нежный голубок басни", – думает князь Андрей, смешивая в своих воспоминаниях содержание басни Дмитриева "Два голубя" и его песню "Голубок". Но идеальные отношения влюбленных, кончающиеся смертью одного из них в разлуке, воспевала именно песня:

Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь;
Миленький его дружочек
Отлетел надолго прочь.

...Сохнет, сохнет неприметно
Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
Носик в перья завернул;
Уж не стонет, не вздыхает;
Голубок... навек уснул! [3, с.178].

Князь Андрей иронией изживает в себе чувствительность, опрометчиво доверившуюся романсу. Героиня Чернышевского обращается к устаревшему романсу Дмитриева с откровенно разоблачительной целью. Осмеяние Дмитриева дало возможность автору романа "Что делать?" художественно декларировать новую эстетику, неизбежно идущую на смену старой. Хотя нельзя не отметить, что в новой эстетике отыщется место Дмитриеву, но не как чувствительному поэту, а как сатирику.

Делая цитату из "Чужого толка" выразительной характеристикой профессора Серебрякова, Чехов опирался на сатирический потенциал, изначально заложенный в тексте Дмитриева. В контексте как "Лешего", так и "Дяди Вани" смысл цитаты не расходился со смыслом оригинала, не был ни искажен, ни переиначен. Иной характер носило цитирование "Полевого цветка" в упоминавшемся письме к Плещееву. Там назидательность

стихотворения, написанного на заданную моральную тему, интерпретировалась пародийно, что в результате разрушало назидание. Понятно, что из двух приемов литературных отсылок именно такой отличается большими художественными возможностями. И Чехов не раз будет обращаться к нему, используя в качестве первоосновы другие примеры из известных ему "Апологов в четверостишиях". В отличие от указанных выше двух очевидных отсылок к Дмитриеву, другие аллюзии будут не столь явными.

Как нельзя более кстати "Апологи" (от греч. *apologos* рассказ – басня, иносказательное повествование поучительного характера) придутся к тем случаям, когда задачей Чехова будет изобразить умствующего или морализирующего героя. В пьесе "Иванов" в обеих ее редакциях, комедийной и драматической, повторяется сцена между Ивановым и Лебедевым, где Лебедев рассказывает о своей умной дочери: "Вчера стали мы с Шурочкой насчет сплетен говорить. (*Смеется.*) А она афоризмом выпалила: "Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съесть ночные птицы, а хорошие люди существуют для того, чтобы было что есть клевете и сплетне". Каково? Гений! Жорж Занд!.." [10, т.12, с.51].

"Афоризм" Шурочки ближайшим образом соотносится с апологом Дмитриева "Светляк и змея":

Со светлым червячком встречается Змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
"Убийца! – он вскричал. – За что погибну я?"
– "Ты светишь", – отвечает [3, с.154].

Заметим, что Иванов никак не откликается на такую попытку объяснить его ситуацию. Стараясь разобраться в себе, он не сможет найти удовлетворительного ответа, но не станет искать опоры в заёмной морали, превратившейся в общее место. Лестное, может быть, для кого-то другого, для него суждение Шурочки – из того же ряда, что и другие ее высказывания: "Исполняй свой долг", "главное, не забывай дела", – высоко моральные, но невольно вызывающие такое чувство, как будто он "мухомору объелся" [10, т.12, с.59]. Именно здесь яснее всего обозначается пропасть между сознанием двух героев. Не имеющая собственного жизненного опыта двадцатилетняя Шурочка, любящая "поговорить об умном" [10, т.12, с.51], рассуждает и поучает своих близких по книжным прописям. Умная и серьезная чеховская барышня – тот же Иван Иванович Дмитриев, некогда со всей серьезностью перекладывающий житейские назидания в стихотворные "Апологи". А Иванова Чехов наделил долей собственной иронии, выработавшейся у него по отношению к подобным общим местам.

В позднейших чеховских произведениях образы умствующих героев будут приобретать всё более резкие и карикатурные черты. В драматургии одним из таких персонажей станет Епиходов в "Вишневом саде". Чехов с первых же реплик даст ему фразы, которые будут звучать как отклик на чье-то не высказанное вслух мнение: "Не могу одобрить нашего климата. (*Вздыхает.*) Наш климат не может способствовать в самый раз" [10, т.13, с.198]. Первый исполнитель роли Епиходова И.М. Москвин в поисках наибольшей выразительности сценического образа нашел для него своеобразную речевую окраску, признанную и одобренную Чеховым. Это была особенность произнесения слов "Бокля" и "климат": с ударением на последнем слоге [4, с.137, 140], создающим, особенно во втором случае, впечатление комического архаизма. Тем самым речь Епиходова была доведена до стиля И.И. Дмитриева, рассуждавшего о климатических проблемах в апологе под названием "Равновесие":

Сын севера! суров и хладен твой климат;
Ужасны льды твои, но счастлив ты стократ:
В тебе и бодрый дух, и богатырска сила.
В Сицилии ж вулкан; чума на бреге Нила [3, с.150].

Следует отметить, что еще до "Вишневого сада" тематика "Равновесия" нашла пародийное отражение в драме Чехова "Три сестры". Четверостишие Дмитриева как бы растворено в тексте драмы, но при внимательном чтении достаточно четко реконструируется по отдельным репликам:

- Здесь холодно и комары...
- Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. <...> Хорошо здесь жить.
- Цицикар. Здесь свирепствует оспа [10, т.13, с.128, 148].

Назидание дмитриевского аполога: человек, живущий в холодном, но здоровом климате, должен быть бодр духом и "стократ счастлив" – в сюжете чеховских "Трех сестер" пародийно переосмысливается. Оппонентом Дмитриева в данном случае выступает сам автор: его персонажам, живущим в "хорошем, славянском климате", счастья нет и не будет, а суждены лишь страдания.

В "Вишневом саду" пародийное переосмысление "Равновесия" связано с образом Епиходова. Его неодобрительные высказывания по поводу "нашего климата" совпадают с характеристикой в стихотворении: "суров и хладен твой климат", "ужасны льды твои..." Соответственно этот "сын севера", в полном согласии с моралью стихотворения, сознает в себе "бодрый дух", что подчеркивает неоднократно: "Каждый день случается со мной какое-нибудь несчастье. И я не ропщу, привык и даже улыбаюсь" [10, т.13, с.198]. Ожидание "богатырской силы" у человека, живущего в означенном климате, перерастает у Чехова в мотив великанов, иронически сопоставляемых с тем же Епиходовым:

Л о п а х и н. ...живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...

Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают.

В глубине сцены проходит Е п и х о д о в и играет на гитаре.

(Задумчиво.) Епиходов идет...

А н я (задумчиво). Епиходов идет... [10, т.13, с.224].

Наконец, Епиходов – пародия на само физическое понятие "равновесия": в первом же выходе его сапоги сильно скрипят; входя, он роняет букет; уходя, "натывается на стул, который падает" [10, т.13, с.198], позже ломает бильярдный кий, продавливая картонку со шляпой и т. п. В нарушение эмоционального "равновесия", утром, когда он просыпается, у него "на груди страшной величины паук"; стоит взять квасу, чтобы напиться, "а там, глядишь, что-нибудь в высшей степени неприличное, вроде таракана" [10, т.13, с.216]. По наблюдению известного французского театроведа Жоржа Баню, такая особенность персонажа многократно обыгрывалась в мировой театральной практике: "Епиходов весь разлаженный. И некоторые режиссеры передают это через беспорядок в его одежде. Костюм оказывается слепком с языка, манеры выражаться, с самой личности" [1, с.51]. Заслуживший прозвище "двадцать два несчастья", Епиходов на протяжении всей комедии напоминает другого героя Дмитриева – "утлый челночок" из стихотворения "Челнок без весла":

По ветру, без весла, Челнок помчался в море

Ударился в скалу и раздробил свой бок.

На жизненной реке и нам такое ж горе:

Без мудрости прощай наш утлый челночок! [3, с.162].

Возможно, не без оглядки на этот образ он говорит о себе: "...судьба относится ко мне без сожаленья, как буря к небольшому кораблю" [10, т.13, с.216].

Таким образом, и словесно, и ситуативно Епиходов прочитывается в рамках определенного контекста, сопоставимого с контекстом "Апологов в четверостишиях". Характеризуя себя "развитым человеком", читающим "разные замечательные книги" [10, т.13, с.216], в частности, модного Бокля, он, по сути, безнадежно архаичен и комичен, как архаизм. Что касается сочинений И.И. Дмитриева, спародированных и переосмысленных в

чеховской драматургии, то здесь позволительно говорить об обратном явлении: послужив художественным целям новаторской поэтики А.П. Чехова, они получили новую жизнь.

Литература:

1. Баню Ж. Наш театр – "Вишневый сад". Тетрадь зрителя / Ж. Баню [пер. Т. Проскурниковой]. – М. : МХТ, 2000. – 160 с.
2. Грибоедов А.С. Горе от ума. Комедии. Драматические сцены / А.С. Грибоедов – М. : Искусство, 1987. – 413 с.
3. Дмитриев И. И. Сочинения. / И. И. Дмитриев. – М. : Правда, 1986. – 592 с.
4. И. М. Москвин. Статьи и материалы / И.М. Москвин. – М. : ВТО, 1948. – 382 с.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994-1999.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 6. / Л.Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1980. – 447 с.
7. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. Т. 15. / И.С. Тургенев. – М. ; Л. : Наука, 1968. – 496 с.
8. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 5. / И.С. Тургенев. – М.; Л.: Наука, 1963. – 776 с.
9. Чернышевский Н.Г. Избр. произведения: В 3 т. Т. 1. / Н.Г. Чернышевский. – Л. : Худож. лит., 1978. – 488 с.
10. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. / А.П. Чехов. – М. : Наука, 1974-1982.
11. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / М.: Наука, 1974-1983.

Аннотация

А. ГОЛОВАЧЕВА. И.И. ДМИТРИЕВ В КОНТЕКСТЕ ДРАМАТУРГИИ А.П. ЧЕХОВА

В статье рассмотрены типы отсылок к творчеству поэта XVIII в. И.И. Дмитриева в переписке и драматургии А.П. Чехова. Анализируется цитата из сатиры "Чужой толк" в пьесах "Леший" и "Дядя Ваня". Особое внимание уделено "Апологам в четверостишиях", получившим пародийное преломление в пьесах "Иванов", "Три сестры" и "Вишневый сад". Привлекаются материалы из переписки и сочинений Пушкина, Грибоедова, Тургенева, Л. Толстого, Чернышевского, театральных постановок Чехова.

Ключевые слова: басня, драма, цитата, аллюзия, пародия.

Анотація

А. ГОЛОВАЧОВА. І. І. ДМІТРИЄВ У КОНТЕКСТІ ДРАМАТУРГІЇ А.П. ЧЕХОВА

У статті розглянуті типи відсилань до творчості поета XVIII ст. І.І. Дмитрієва в листуванні та драматургії А. П. Чехова. Аналізується цитата з сатири "Чужий толк" у п'єсах "Леший" и "Дядя Ваня". Особлива увага приділена "Апологам в чотиривіршах", що отримав пародійне віддзеркалення у п'єсах "Іванов", "Три сестри" і "Вишневий сад". Залучаються матеріали з листування і творів Пушкіна, Грібоедова, Тургенева, Л. Толстого, Чернишевського, театральних постановок Чехова.

Ключові слова: байка, драма, цитата, алюзія, пародія.

Summary

A. G.GOLOVACHEVA. I.I.DMITRIYEV IN THE CONTEXT OF A.P.CHEKHOV'S DRAMATIC ART

Types of references to creative work of the 18th c. poet I.I.Dmitriyev in A.P.Chekhov's correspondence and dramatic art are considered in the article. The quotation from satire "Another's Sense" in plays "Leshiy" and "Uncle Vanya" is analyzed. Special attention is given to "Apologam in Quatrains" which received parody refraction in plays "Ivanov", "The Three Sisters" and "The Cherry Garden". Materials from correspondence and compositions written by Pushkin, Griboyedov, Turgenev, Tolsty, Chernyshevsky, Chekhov's theatrical performances are involved.

Key words: fable, drama, quotation, hint, parody.